

Только поднявшись к себе, Луань Чэн осознал, что ушел в тапках Гу Цинхуая.

Новенькие белые тапочки уже стали серыми снизу. Вдобавок его сумка, фрукты и всё прочее так и остались внизу — сам-то он вернулся «налегке». Если бы ключи не лежали в кармане, он бы даже в квартиру не попал.

«Младший братец» Сяо Чэна всё еще проявлял некоторую бодрость. Луань Чэн покосился на дверь и молча прошмыгнул в ванную...

Спустя некоторое время он вышел оттуда и вяло повалился на стул. У него в комнате не было дивана — только шкаф, стол да кровать. Раньше он считал, что этого набора за глаза хватает, но сейчас почувствовал: у Гу Цинхуая сидеть было куда приятнее.

Стоп! Хватит думать о Гу Цинхуае!

Едва успокоившееся сердце Луань Чэна снова предательски зачастило. Хотя сияние амулетов погасло, стоило ему выйти из 301-й, он всё еще чувствовал странный жар. Особенно в тех местах, где Гу Цинхуай касался его пальцами — там кожа буквально горела.

Луань Чэн не находил себе места: то встанет и прислонится к стене, то пойдет в комнату и рухнет на кровать. Он пытался выветрить из тела эти волнующие ощущения, но чем больше метался, тем меньше получалось успокоиться.

Дзинь-дон! — раздался дверной звонок. Луань Чэн подскочил на кровати и принялся отчаянно махать ладонями на лицо, нагоняя прохладу. Помахав секунд десять, он на цыпочках, как вор, подобрался к двери. Думал — Гу Цинхуай, а оказалась супруга соседа, учителя Ю.

— Бабушка Сюй, что-то случилось? — жену Ю Жунгуана звали Сюй Сючжэнь, Луань Чэн обычно называл её просто бабушкой Сюй.

— Я так и поняла, что слышала, как у тебя дверь хлопнула, — улыбнулась старушка. — Да ничего особенного. Тут ко мне дальняя родственница приезжала, привезла целую кучу молодой кукурузы и соевых бобов — сама выращивает. Нас с учителем Ю всего двое, столько не съесть. Вот, принесла тебе и Сяо Гу. Вы парни молодые, организмы растущие, едите много.

Она протянула Луань Чэну миску с початками, сваренными прямо в нежных листьях, и пакет бобов.

— Я сама вниз не пойду, у меня там на плите всё кипит. Сяо Чэн, если ты не занят, занеси ему долю.

— Спасибо, бабушка Сюй! — Луань Чэн принял миску, и аромат его просто покорила.

Эта кукуруза пахла совсем не так, как та, что продают готовую на улице. В этом паре чувствовался настоящий вкус детства!

Он посмотрел на миску: «Ого, как много». Целых шесть початков. Даже если угостить Бай Ю, Мин Юэ и Хань Чэндуна, еще останется.

«Ладно, хватит ломаться. Нужно есть, пока горячая — так вкуснее».

Луань Чэн прихватил ключи, закрыл дверь и спустился вниз. Черт возьми, стоило встать перед дверью 301-й, как с трудом разогнанное волнение нахлынуло с новой силой...

Он глубоко вздохнул и постучал.

Когда Гу Цинхуай открыл, Луань Чэн с напускным спокойствием произнес:

— Бабушка Сюй принесла. Велела нам на двоих разделить.

Гу Цинхуай отступил, пропуская его внутрь: — Ты довольно быстро обернулся.

Сказав это, он опустил взгляд вниз.

Луань Чэн тоже невольно посмотрел вниз и — о позор! — в первую секунду подумал, что Гу проверяет состояние его «младшего брата», чтобы посмеяться. Но оказалось, что Гу Цинхуай просто смотрел на тапки на его ногах. Луань Чэн почувствовал себя последним бесстыдником.

— Это... я просто торопился, не заметил. Я потом их почищу, — пробормотал он.

— Ничего страшного. На твоём месте я бы тоже торопился, — ответил Гу. — Понимаю.

«Понимаешь ты дедушку своего!» — Луань Чэн окончательно ступешался.

— Пахнет отлично, — Гу Цинхуай забрал миску. — Даже с листьями.

— Ага. Моя бабушка тоже так варила. Так кукуруза получается ароматнее, — сказал Луань Чэн. — Давай делить. Мы всё равно недавно поели, столько вдвоем не осилим.

Бай Ю и Мин Юэ уже с предвкушением ждали рядом. Гу выдал им по початку, позвал Хань Чэндуну присоединиться, а себе с Луань Чэном взял по штуке на десерт. Кукуруза была сладкой и сочной, Бай Ю аж зажмурился от удовольствия.

Луань Чэн тоже ел с аппетитом, но постепенно снова почувствовал себя не в своей тарелке. Он сидел как раз на том месте, где Гу Цинхуай рисовал на нём знаки. А рука Гу, которой он сейчас держал кукурузу, была той самой рукой...

Черт, черт, черт! Луань Чэн, ты больной?!

Гу Цинхуай спокойно ел, как вдруг заметил, что Луань Чэн вгрызается в початок с такой яростью, будто это его личный враг.

Бай Ю тоже это заметил и не выдержал: — Луань Чэн, ты чего с таким лицом сидишь? Кукуруза тебе что плохого сделала?

— Ничего. — «Мне что, уже и на самого себя позлиться нельзя?!»

— А, я понял! — вклинулся Бай Ю. — Ты же всё ещё стесняешься, да? Бывают такие люди: чем сильнее смущаются внутри, тем злее и суровее у них мина снаружи.

— Сам ты суровый! Ешь давай! — Луань Чэн разделался с початком и швырнул кочерыжку в мусорку. — Пойду помою миску и отнесу обратно.

— Положи туда чего-нибудь, возвращать пустую посуду неприлично, — заметил Гу Цинхуай. — Посмотрю, что у нас есть.

— Так я же фрукты принес. Давай их? — Луань Чэн помыл миску и полез в пакет.

— Положи чернику. Она полезна для глаз, и пожилым её легко есть, — предложил Гу.

Еще он достал две пачки органического пшена. Он покупал его для каш, в упаковке было пять пакетиков отличного качества.

Луань Чэн оценил идею — миска получилась полной. Он отправился возвращать долг соседям. На выходе он снова ушел в тапках Гу Цинхуая. Уже во второй паре.

Бабушка Сюй долго отнекивалась, но в итоге приняла чернику и пшено, причитая, какие Сяо Чэн и Сяо Гу вежливые ребята. Вернув посуду, Луань Чэн спустился, но у двери 301-й его перехватил Гу Цинхуай.

— Оставь эти тапки у порога, — сказал Гу. — Будешь в них на улицу выходить, чистить не будем.

Луань Чэн ответил: — Тогда одну пару я заберу себе наверх. Всё равно тебе две пары «уличных» тапок ни к чему.

Гу Цинхуай изначально и сам это имел в виду, но, подумав, вдруг отрезал: — Нет! Всё что угодно, но не обувь!

Луань Чэн застыл в полнейшем недоумении: — Да ладно тебе, сосед?! Это всего лишь тапки!

В супермаркете у дома они стоят от силы семь юаней за пару! Неужели их дружба не тянет даже на семь юаней?!

Гу Цинхуай поразмыслил и добавил: — Максимум — могу одолжить их тебе на полтора года.

Луань Чэн: — ... «Гу Цинхуай, ты что, реально психический?!»

Луань Чэн не считал Гу жадным. Например, тот купил ему кроссовки за несколько сотен и глазом не моргнул. Или то органическое пшено для бабушки Сюй — Луань Чэн помнил, как ходил с бабушкой на рынок: обычное пшено стоило юаней шесть-семь за цзинь, а отборное в упаковке — все десять, а то и дороже. И Гу спокойно его отдал. Почему же он так вцепился в несчастные тапки, что готов их только «одолжить»? Может, он ГМО переел, и когда наконец отведал чистый фермерский продукт, у него в голове что-то перемкнуло? Луань Чэн не мог найти логичного объяснения.

Но еще необъяснимее было то, что ночью ему приснился эротический сон! В его возрасте такие сны — дело житейское, особенно после дневных встрясок. Вполне естественно, что ночью подсознание решило немного «побуяннить». Но проблема была в том, что в этом сне его... прижали! Вот это уже, блин, в голове не укладывалось! С какого перепугу?! Из-за каких-то двух пар обуви?! Он что, во сне капитулировал из-за кроссовок с салатовыми полосками и пары тапок? Мать твоего за ногу! Еще и извивался в объятиях Гу Цинхуая! Полный бред!

На следующий день Луань Чэн был колючим, как дикобраз. Этой позой «не подходи — убью!» он пытался замаскировать свое жуткое смущение.

Чжоу Пэн спросил его, как он сдал экзамены, но Луань Чэн просто его проигнорировал, чем неслабо обидел приятеля. Чжоу Пэн чувствовал, что они с брo всё больше отдаляются друг от друга — и всё с тех пор, как в их классе появился этот «лис-искуситель» Гу Цинхуай! Посмотрите только, как лис подмазывается! В прошлом месяце еще обедал за счет Луань Чэна, а в этом — сам ему еду покупает, какая показательная забота! И если раньше Чжоу Пэн с

Луань Чэном вечно воевали за каждый кусок мяса в тарелке, то теперь этот тип всё мясо оставляет Луаню! Чжоу Пэн ни за что бы не признался, что просто завидует количеству мяса в чужой тарелке!

Только Бай Ю и Мин Юэ знали истинную причину: Гу Цинхуай чувствовал себя виноватым из-за той истории с деньгами за кроссовки, поэтому решил впредь оплачивать обеды Луань Чэна. Сам Луань Чэн о махинации с обувью не догадывался и решил, что Гу просто хочет разрядить обстановку. Если подумать, всё утро он вел себя довольно жеманно. Подумаешь, сон. Что в этом такого? Привыкший к самовнушению Луань Чэн снова успокоился. Он выловил мясо из своей тарелки, а потом преспокойно полез в тарелку Гу Цинхуая.

Чжоу Пэн не выдержал. Он покачал головой и прошептал: — Послушай, брат Луань, вы двое...

— Что «мы»? — не понял Луань Чэн.

Вспомнив, что Луань запретил ему шутить над Гу Цинхуаем, Чжоу Пэн замялся:

— Да ничего. Просто чувствую, что по мне, как по одинокому псу, нанесли критический удар.

Луань Чэн глянул в тарелку и усмехнулся: — Ладно тебе, из-за куска мяса так убиваться. Тоже мне, трагедия. На, угощайся, бро. — Луань Чэн переложил несколько кусочков жареной свинины в тарелку Чжоу Пэна: — Ешь.

Чжоу Пэн сразу повеселел: — Вот это по-нашему.

Но стоило мясу почти коснуться рта Чжоу Пэна, как Гу Цинхуай, даже не поднимая головы, небрежно бросил: — На нем моя слюна.

В шумной столовой, где всюду звенели приборы и гудели голоса, его тихий голос было трудно разобрать. Но Чжоу Пэн сидел рядом и всё прекрасно расслышал.

Он замер в замешательстве: — А?

Гу Цинхуай добавил: — Это те куски, которые я положил ему в тарелку.

Аппетит у Чжоу Пэна как рукой сняло! Бай Ю рядом так и зашелся: «Цзы-цзы-цзы... Цинхуай, твоя ревность сейчас просто зашкаливает».

Луань Чэн: — ...

Он молча уткнулся в свой рис.

Чжоу Пэн с болью в сердце вернул мясо в тарелку Луань Чэна: — Брат Луань, чистосердечное признание облегчает душу. Мы же друзья, не скрывай от меня ничего.

Его взгляд метался между Луань Чэном и Гу Цинхуаем: — Я кожей чувствую запах измены, понимаешь?

Луань Чэн покосился на Гу Цинхуая. Тот встал, подхватил поднос и сказал Луань Чэну:

— Мне нужно кое-что забрать, схожу домой ненадолго.

Луань Чэн заторможенно кивнул: — А...

Гу Цинхуай взял зонт и ушел.

Чжоу Пэн даже есть перестал: — Колись! Что между вами происходит?!

Луань Чэн про себя подумал: «Откуда мне-то знать, черт возьми!»

Тут он увидел, что Гу Цинхуай вернулся. Луань Чэн окончательно запутался. Разве он не собирался домой? Только когда они закончили обедать и вышли на улицу, до него дошло. Оказалось, начался дождь. Гу Цинхуай взял зонт и вернулся только ради того, чтобы подождать его.

<http://bllate.org/book/16943/1577081>